

А. И. Кириллова

**ОХОТА У КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАМЧАТКИ
НАЧАЛА XX в.: ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
ИЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Статья посвящена анализу роли охоты в жизни коренного населения Камчатки начала XX в. Традиционно считается, что охота служила исключительно для жизнеобеспечения и выживания населения полуострова, однако источники начала XX в. демонстрируют трансформацию роли охоты, изменение самого характера охоты и промысла.

Ключевые слова: охота, охотничий промысел, Камчатка, коренные народы.

A. I. Kirillova

**HUNTING FOR KAMCHATKA'S INDIGENOUS PEOPLES
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: SURVIVAL ONLY
OR A TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY**

The article devoted to the analysis of the role of hunting in the life of the indigenous population of Kamchatka at the beginning of the twentieth century. It is traditionally believed that hunting served exclusively for the livelihood and survival of the population of the peninsula, however, sources from the beginning of the twentieth century. demonstrate the transformation of the role of hunting, the change in the very nature of hunting and fishing.

Keywords: hunting, traditional hunting, Kamchatka, indigenous peoples.

Охота – традиционный вид деятельности коренных народов севера Сибири и Дальнего Востока. Согласно теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ), детально описанной Ю. В. Бромлеем, для Камчатки характерно несколько таких типов: собиратели и рыболовы морских побережий и бассейнов больших рек, охотники и рыболовы холодного пояса. Однако и для собирателей и рыболовов охота играла определённую роль. В каждом из хозяйственно-культурных типов охота, как традиционное занятие, присутствовала в том или ином виде. Основной её задачей было либо полное жизнеобеспечение, либо частичное, способствующее разнообразию рациона коренного населения полуострова [4].

В силу особенностей этнических процессов, происходивших в XIX в., в данной статье под коренными народами Камчатки мы будем понимать всех представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), в том числе и прибывших сюда позже чукчей, алеутов и эвенов, а также потомков от смешанных браков русского и коренного населения, камчадалов.

Ещё в середине XIX в. Ю. А. Гагемейстер в своих статистических описаниях писал: «звериный промысел в Сибири имеет двоякую цель. Он производится для добычи шкуры или мяса...» [2, с. 247]. Из ценных пород зверя, добываемых в Сибири (в состав которой включали и Даль-

невосточные территории), упоминаются: белка, соболь, горностай, куница, выдра, рысь, росомаха, песец, лисица, заяц, медведь, волк. Таким образом, источники свидетельствуют, что ещё в середине XIX в. охота становится способом уплаты налогов и дополнительного заработка. Само занятие охотой считается достойным для мужчины-инородца (так в Российской империи называли представителей коренных народов), «его удел охота. Камчатка изобилует зверями, лисицы ея пышны... Соболи камчатские величиною и пышностию превосходят всех сибирских соболей» [1, с. 13]. В. К. Войт также пишет, что поголовье камчатских соболей сокращается, и хватает добытых зверьков только на выплату ясака. На смену соболу постепенно приходят другие породы пушных зверей. Причём ранее табуированная добыча медведя, обычно связанная с проведением обрядов, теперь также начала расти.

В конце XIX – начале XX в. в трудах учёных-исследователей охота описывается как одно из основных и важных занятий для коренного населения. Например, В. П. Маргаритов, предполагал, что изначально все коряки были оленными, но те, кто потерял свои стада, «поселились по рекам, поддерживая своё существование рыбной ловлей и охотой на наземного и морского зверя» [8, с. 106]. При этом охота на пушного зверя носит исключительно вспомогатель-

ный характер, добыча пушнины необходима для уплаты ясака и меновой торговли. Однако уже в зонах так называемой «русификации», то есть в центре полуострова (долина р. Камчатки), в Петропавловском округе, охота на пушного зверя приобретает совсем иное значение: *«В Камчатке редкий житель Вам скажет цену какой-либо вещи в рублях, а всегда определяет её на число соболей, лисиц или же другой пушнины»* [8, с. 122]. Более того, во многих населённых пунктах в принципе, по свидетельствам В. П. Маргаритова, отсутствовала денежная торговля. Исключительно меновая, эквивалентом денег как раз и выступала пушнина. Это приводило к тому, что охота становилась важнейшим, жизнеобеспечивающим занятием жителей. Ведь именно в обмен на шкурки зверей можно было приобрести продукты питания, оружие, патроны к нему, невода и сети, другие орудия лова, а в случае избытка и предметы роскоши (граммофоны, зеркала, фарфоровую и стеклянную посуду и т. д.).

Комплексное исследование Камчатки Н. В. Слюниным также подтверждает важность охоты для коренных жителей Камчатки. Так, тунгусов (эвенов. – *Примеч. авт.*) он описывает как *«вечных непосед... он тотчас собирает свои дорожные сумы, и[,] закинув ружье за плечи, на коротких и лёгких лыжах отправляется искать нового уединённого места»* [11, с. 363]. Таким образом, охота для эвенов – одно из самых ключевых занятий. Охота для эвенского мужчины в принципе равнозначна оленеводству и считается не менее почётной. Как и В. П. Маргаритов, Слюнин также отмечает важность меновой торговли для коренного населения Камчатки начала XX в.: *«Собственно денег, монет, инородец почти никогда не видит, потому что добытую им пушнину он не за деньги продаёт, а выменивает на нужные ему товары»* [11, с. 521]. Более того, описывая роль охоты в жизни коренного населения Камчатки, Н. В. Слюнин утверждал, что *«основным фактором экономической жизни инородцев являются рыбные и звериные промыслы»* [11, с. 538]. Профессиональная оценка исследователей Камчатки начала XX в. позволяет сделать вывод, что охота, помимо прямого жизнеобеспечения (добыча продуктов питания), также была и основой экономической активности коренного населения, за пушнину приобретались жизненно необходимые товары и предметы роскоши, пушной оплачивались услуги.

Важность добычи пушнины для жителей Камчатки можно подтвердить и материалами

записок В. Н. Тюшова, описывавшего природу, орографию и некоторые особенности геологического строения полуострова. Обращая внимание на жизнь населения и фиксируя его занятия, он писал, что охота – основа выживания людей, семьи коренных жителей, несущих почтовую или каюрскую повинность в период благоприятный для охоты, в прямом смысле слова терпят великую нужду [12, с. 170]. Типичными занятиями мужской половины населения автор называл *«главным образом звериный промысел, охота за соболями, медведями, нерпами, оленями и т. п., постройка и устройство рыбных заповор. устройство нарт, уход за собаками, исправление "путей сообщения" (мостов и переправ)»* [12, с. 215–216]. И дневниковые записи В. Н. Тюшова также фиксируют важную роль охоты в жизни коренных жителей полуострова, а продукта охоты, выделанной пушнины, как основы экономики полуострова и основного денежного эквивалента.

Исследователь крайнего северо-востока России, Н. Ф. Калинин, чьи записки и рассуждения были отпечатаны в типографии Морского министерства при Главном адмиралтействе, также описывал быт и занятия коренного населения Камчатки и Чукотки. Так, *«будучи на зиму обеспечены своими стадами, оленные чукчи могут больше уделять времени для промысла пушного зверя, и они являются главными поставщиками песца и лисицы»* [6, с. 125]. Торговля пушниной была одним из способов выживания чукчей и других коренных народов Севера, пушнину обменивали на необходимые товары, чай и табак [6, с. 136]. Пушного зверя, по записям исследователя, было столь много, что коренные жители могли его бить палками, не используя ружья и дробовики. Особенно Н. Ф. Калинин отмечал влияние американских торговцев на экономику региона, они продавали товары низкого качества, выменивая их на лучшую пушнину. Самым выгодным товаром был спирт, за который отбирались лучшие шкуры зверей. Также автор отмечает крайне высокие цены, сложившиеся из-за конкуренции российского и американского торгового капиталов. По этой причине вся пушнина уходила в основном на меновую торговлю, и именно добыча ценных пушных зверей стимулировала развитие в регионе паромных маршрутов, строительство лавок и проведение регулярных ярмарок [6]. Таким образом, по мнению Н. Ф. Калиникова, охота – основа экономики Чукотки и севера Камчатки (Карагинский, Пен-

жинский и Гижигинский районы). Именно благодаря пушному промыслу регион развивался в начале XX в. Исключительно в охотничьем хозяйстве и появлялись новшества: новые виды оружия, ловушек, плавательных средств и т. д.

Журналистские работы о Камчатке, работы Б. К. Горовского и А. П. Сильницкого также упоминают охоту и охотничий промысел как важнейшее занятие коренного населения полуострова. Описывавший Камчатку начала 1900-х гг. А. П. Сильницкий в своих заметках для Русского географического общества, утверждал: *«торговля в Камчатке находится в руках “Товарищества котиковых промыслов” и является, главным образом, меновой, причём предметом мены служит шкура соболя, лисицы, выдры, медведя»* [10, с. 9]. Также автор отмечал, что у торговцев не было конкуренции, поэтому цены не соответствовали реальным, ведь товарищество ставило ту цену, которую хотело само. Кроме того, для коренного населения существовала система кредитов, поэтому камчадалы практически поголовно были должны торговцам, сдавали пушнину им за бесценок. Несправедливость расчётов Сильницкий иллюстрировал примером, что за шкурку стоимостью 25 рублей, камчадал получал товаров на 10 рублей, реальных денег камчадалы никогда не получали, кроме того, «на сдачу» им часто выдавали одеколон, помаду, духи и консервы. Те товары, которые в быту охотнику-промышленнику совершенно не нужны, однако население к ним быстро привыкло, и пойти на «вечорку» или в церковь не надушившись, считалось неприличным. Потребление так называемых «ненужных товаров» ещё больше вгоняло камчадалов в долги перед торговцами, поэтому охотники ещё активнее истребляли пушного зверя, истощая природные богатства полуострова. По А. П. Сильницкому, охота из жизнеобеспечения перешла в разряд хищничества и способа удовлетворения излишних потребностей.

Не менее противоречивую картину и характеристику охотничьего промысла можно увидеть и в записях Б. К. Горовского (Подгурского). По его воспоминаниям *«разумеется, большой доход даёт населению звероловство; жители промышленяют преимущественно бурами медведями, которых на Камчатке большое количество, далее идут лисицы, белки, горностаи, наконец, соболя»* [4, с. 74]. Также автор описывает, что товарообмен и высокая стоимость товаров обусловлены сложностями навигации, большим количеством формальностей после Русско-

японской войны 1904–1905 гг.: каждый российский груз из Владивостока проходит таможенную в японском порту Хакодате, чтократно увеличивает цену товара. По этим причинам обмен товаров на шкуры пушного зверя проходит по завышенным ценам, но это не только результат произвола торговцев, но и объективная дороговизна товара из-за сложностей при доставке. *«Самая драгоценная пушнина русской меховой промышленности – котик, бобр и голубой песец – добываются на двух островах Командорской группы – на островах Беринга и Медном»* [4, с. 95]. Основным населением островов в тот период являлись алеуты, также представители коренного населения. Для них морской зверобойный промысел и добыча песка были основными занятиями. Торговля на островах также меновая, основой мены служили шкуры пушных животных. Для того, чтобы покрыть крайне высокие расходы на доставку продовольствия и товаров на Командорские острова, торговцы повышают цены. Алеуты же, чтобы выжить и прокормиться, вынуждены активнее и больше добывать зверя, сокращая поголовье. Таким образом, и Б. К. Горовский фиксирует хищнический характер охотничьего промысла, правда, обусловленный необходимостью выживания коренных жителей, и самим им от природы не свойственный. Решение этого вопроса журналист видел в государственных преобразованиях и защите Камчатки от хищнического лова рыбы и конкуренции с японскими и американскими купцами.

Дневники путешественников на Камчатку позволяют выделить и ещё одну перемену, произошедшую с охотничьими промыслами на полуострове в начале XX в. Так, путешествие на полуостров Жоржа Крамаренко, описанное им в книге «Камчатка. Моё путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г. Дневник 15-летнего мальчика», было изначально спланировано как трофейная охота. Однако, если для русского населения, особенно дворянства и предпринимателей, трофейная охота не была чем-то новым в начале XX в., то для камчадалов это было совершенно необычным явлением. По воспоминаниям молодого путешественника, всю охоту его сопровождал камчадал Миронов, который *«пластал медведей, выделявал шкуры, готовил медвежье мясо»*, а кроме того искал зверя для охоты, помогал его выследить [7]. За свои услуги Миронов получал определённую оплату, причём, он водил не только группу Жоржа и его семьи, но и других охотников, желавших добыть

медведя и заполучить трофей. Таким образом, в начале XX в. часть коренного населения освоила новый вид деятельности, обслуживание трофейных, коммерческих охот. Зверь на таких охотах добывался не для выживания, туши забирались лишь частично, не все охотники ели медвежатину, в основном в качестве трофеев забирали шкуры и зубы медведя. Хищнический характер таких охот можно подтвердить статистикой из книги Ж. Крамаренко, за лето на полуострове только он с отцом и братом добыли более 10 медведей, в том числе и медведиц с медвежатами. Судя по данным автора, такие охоты не были чем-то исключительным, и до 1918 г. на полуострове уже бывал отец мальчика.

Именно на подобных фактах и основаны выводы И. И. Гапановича и В. Д. Сергеева о крайне низком уровне жизни коренного населения, постоянном обмане жителей полуострова при меновой торговле и плохом отношении властей Российской империи к богатствам полуострова [3, 9]. Так, И. И. Гапанович писал, что *«среди русско-камчадалских семей есть обладающие большими достатками; такого положения они достигли, занимаясь счастливой, лучше сказать хищнической охотой»* [3, с. 17]. Также советские исследователи отмечали нерациональное природопользование как русского, так и «обрусевшего» камчадалского населения, которое *«подходило к природе с сугубо личной точки зрения»* [там же]. Советскими учёными охота у коренного населения XX в. оценивалась как хищничество и браконьерство, не считалась важным и необходимым для выживания занятием. Охотники-трапперы считались расхитителями государственных богатств. Оправданием, по мнению авторов тех лет, могло послужить лишь зависимое положение от купцов, которые фактически закабалили местное население и вынуждали его заниматься охотой.

Анализ работ авторов 1890 – начала 1920-х гг. позволяет увидеть, как сильно изменилась роль охоты в жизни коренных народов Камчатки в описываемый период. Будучи изначально у многих северян лишь вспомогательным видом деятельности, к началу XX в. она стала основой их экономической активности, ведь именно пушнина была основным денежным эквивалентом, предметом мены. Несмотря на формальное существование на Камчатке товарно-денежных отношений, в реальности коренные жители денег (монет и ассигнаций) практически никогда не видели. Именно охота на пушного зверя позволяла приобрести путём обмена на выде-

ланные шкурки многие необходимые товары: новые невода и сети из более прочных и долговечных материалов (ведь крапивного невода хватало меньше, чем на 2 года, а нитяной сети на 3–5 лет эксплуатации), предметы быта и оружие (необходимое и для так называемой «мясной охоты»). Многие камчадалы переселились в дома русского типа, в которые необходимо было приобретать утварь, стекло, мебель. Конечно же, появились в жилищах коренных народов полуострова и предметы роскоши. Приобрести все эти товары позволяло трапперство.

Рост количества русского населения и его «укоренение» на Камчатке также приводило к трансформации роли охоты. Помимо способа выживания, она становится и средством организации досуга, развлечением. В начале XX в. на полуострове уже появилась трофейная охота. Обслуживанием таких охот также занималось коренное население, зарабатывая на этом.

По этим причинам мы можем сделать вывод, что к началу XX в. роль охоты и характер охотничьих промыслов на полуострове претерпел изменения: от способа прямого жизнеобеспечения (то есть, добыча ресурса с целью его употребления в пищу или использования для изготовления одежды, транспортных средств и т. д.) к экономической активности и способу заработка денежных средств. Кроме того, в некоторых случаях нарушался традиционный северный принцип природосообразности, принцип того, что на охоте нельзя добывать больше, чем человеку нужно для выживания. Охота в начале XX в. стала одним из видов экономической активности в регионе, позволяла включать коренное население в макроэкономические процессы Российской империи.

Превращение охоты в один из коммерческих видов деятельности способствовало тому, что в советский период процесс коллективизации охотничьих промыслов, создание профессиональных охотничьих бригад и колхозов на Камчатке произошли достаточно быстро. Уже к 1932 г. на Камчатке существовали так называемые «кадровые охотники», которые выполняли поставленные перед ними плановые задачи. Процесс коллективизации в рыболовстве и оленеводстве среди коренных жителей шёл несколько медленнее, и плановые показатели в этих сферах выполнялись значительно хуже. Поэтому вопросы, связанные с организацией и характером охотничьих промыслов интересны и актуальны для историков, и изучение данной темы может быть продолжено.

1. *Войт В. К.* Камчатка и ее обитатели : с видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 авг. СПб. : Тип. Санкт-Петербург. гор. полиции, 1855. 35 с.
2. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером : в 3 ч. СПб. : Тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1854. Ч. 2. 697 с.
3. *Гапанович И. И.* Камчатка: природа, население, хозяйство. Владивосток : Кн. дело, 1926. 40 с.
4. *Горовский (Подгурский) Б. К.* Забытые русские земли: Чукотский полуостров и Камчатка : путевые очерки : с 55 иллюстрациями и 1 картой. СПб. : Изд-во Б. А. Суворина, 1914. 122 с.
5. История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины / В. П. Алексеев, Ю. И. Семенов, Л. А. Файнберг [и др.]. М. : Наука, 1986. 572 с.
6. *Калинников Н. С.* Наш крайний Северо-Восток. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1912. 246 с.
7. *Крамаренко Ж.* Камчатка. Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г. : дневник 15-лет. школьника. Берлин : О. Дьяконова и К°, 1921. 140 с.
8. *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели : с рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г. Хабаровск : Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора, 1899. 143 с. (Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества ; т. 5, вып. 1).
9. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки (дореволюционный период). Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1992. 192 с.
10. *Сильницкий А. П.* Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. Хабаровск : Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора, 1897. 79 с.
11. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край : естеств.-ист. описание : [в 2 т.]. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 690 с.
12. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 521 с.